

Руев В.Л. К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТУРКАМИ ВОЕННОЙ ХИТРОСТИ В ПЕРИОД ОСАДЫ МАНГУПА В 1475 Г.

За последние несколько лет в процессе археологического изучения событий турецкой осады и штурма Мангупа в 1475 году был сделан ряд находок, которые существенно дополнили информацию об этих событиях. Но, к сожалению, рассматриваемый вопрос на данный момент лежит за пределами, в которых можно с помощью артефактов точно указать место проникновения турок в осажденную крепость. Однако, на ранних этапах изучения проблематики по результатам археологических исследований укрепления А.XIV¹, участка Внутренней линии обороны в Лагерной балке, княжеского дворца был сделан вывод о штурмовом варианте прорыва турок укрепления А.XIV и их дальнейшего продвижения к цитадели [2, с.153]. Этому выводу, который также имеет право на существование, противоречат весьма немногочисленные письменные источники, свидетельствующие о прорыве турок на территорию Мангупской крепости путем военной хитрости. О возможности применения этих сведений к реальным условиям высказались в первой половине прошлого века А.А.Васильев [13, с.259] и на рубеже 80-90 гг. XX века А.Г.Герцен [2, с.152]. В дальнейшем более детальное рассмотрение эта версия получила развитие в статье А.Г.Герцена «По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма» [3, с.366-387]. Не отрицал возможность применения османами хитрости при захвате Мангупа В.Л.Мыц [8, с.119]. Автор настоящей статьи, основываясь на письменных источниках и многолетних визуальных исследованиях, выдвигает свою версию о месте прорыва турок на Мангуп и производит попытку моделирования военной хитрости османов, исходя из исторических и географических реалий Мангупской крепости.

Сведения о применении османами уловки содержатся у турецких писателей XV-XVI вв. Ашик Пашаоглу, автора «Османской династической истории» (начал писать в 1476 г.), и Сад эд-Дина, перу которого принадлежит «История Османской империи от возникновения Дома Оттомана до смерти султана Селима I» (1520 г.). Они не указывают конкретного места прорыва в город, однако сообщают о захвате крепости путем выманивания защитников притворным отступлением. Ашик Пашаоглу так описывает этот прием: «В конце концов они (турки – В.Р.) поняли, что войной крепость взята не будет. Ахмед Паша для осады оставил немного солдат. Сам собрался и уехал. Через несколько дней добавил к оставшимся у крепости еще небольшое количество солдат. Все оставшиеся скрылись в засаде. [Еще до осады – примечание переводчика] извне в крепость вошло довольно много людей [защитников и членов их семей из округа Мангупа – В.Р.], они попали в безвыходное положение. Увидев, как солдаты отступают, люди из крепости начали выходить. Находившиеся в засаде исламские солдаты встретили бросившихся бежать из крепости людей. Сразу же заняли крепость. Захватили ворота. Наконец, Мангуп был взят». [12, с.365].

Более содержательно, однако без существенной конкретики, Ашик Пашаоглу вторит Сад эд-Дин: «Видя, что захват города силой занял бы много времени, паша притворился, будто оставляет город – он отвел главную часть своих войск, а для осады оставил меньшую. Он ушел, делая вид, будто желает вернуться домой, а на деле спрятал своих людей в засаде и остался там ожидать удобного случая. Защитники города, видя, что паша отступил с грустным и унылым выражением лица, будучи уверены в неприступности городской крепости и в силе собственных рук, а, кроме того, веря, что увиденное ими выражение лица паша было искренним и неподдельным (в то время как это была просто уловка), они презрели тех, кто был оставлен для осады, и неоднократно выходили из города. Защитники начали сражаться с осаждавшими. Когда они бились, осаждавшие, отступая, заставили их выйти из города, а затем, сделав вид, будто бы обратились в бегство, увлекли их за собой и завели в ловушку. А затем те благородные бойцы с сердцами львов, доблестные воины, которые дотоле оставались в засаде, вышли оттуда и с саблями напали на несчастных...» [13, с.256].

В истории военного искусства притворное отступление с целью выманивания осажденных из крепости и нанесение удара из засады – достаточно древний и часто применявшийся прием. Одно из самых ранних сведений по поводу применения этой хитрости имеется в Библии. Именно так поступили евреи при осаде ханаанейского города Ая: «...Иисус (Иисус Навин – В.Р.) и весь Израиль делали вид, что терпят поражение и бежали дорогой в пустыню. И гнались они (защитники крепости – В.Р.) за Иисусом, и отделились от города... А засада быстро встала со своего места...вошла в город, и захватила его...». [1, с.228].

Весьма широко применялся этот способ и в античное время. О притворном отступлении в «Кратком изложении военного дела» упоминает позднеримский писатель Флавий Вегеций Ренат [10, с.367]. В труде «Стратегмы» римского историка I-II вв. н.э. Секста Юлия Фронтин даны хитростям посвящены главы №10 («Как заманить осажденных в засаду») и №11 («О притворном отступлении»). Фронтин использует исторические примеры из осад периода Древней Греции и Рима. В первой вышеупомянутой главе о засаде упоминается девять схожих между собой случаев, в главе о притворном отступлении – пять [11, с.232-234].

В византийских военных трактатах притворное отступление осаждающей армии в совокупности с организацией засад также рекомендуется в качестве весьма действенного способа нанесения урона врагу или даже захвата крепости. В частности, подобной уловке посвящена целая глава №26 из византийского трактата конца X века «De castrametatione» под названием «О возможном методе выманивания осажденных наружу и причинения им вреда» [7, с.309].

¹ А – Главная линия обороны Мангупа, далее указывается порядковый номер укрепления [2, с.106].

Сами турки в середине XV века, судя по запискам янычара Константина Михайловича из Островицы, действительно применяли притворное отступление и удар из засады. В главе №45 «Записок янычара» Константин Михайлович, правда, в несколько гротескных формах, упоминает о возможности применения этой военной хитрости в случае неудачного приступа города [5, с.112]. На практике притворное отступление было применено турками при осаде Белграда 14-22 июля 1456 г. Тогда османы оставили свои пострадавшие от пожара артиллерийские позиции и притворно отступили. Когда защитники Белграда вышли из города поживиться остатками турецкого лагеря, турки резко повернули и ударили по сербской пехоте, нанеся ей серьезный урон [5, с.79].

Вполне применима эта тактика и к условиям Мангупа. В указанной выше статье [3, с.366-387] А.Г.Герцен вполне логично указал, что единственным местом для укрытия засадного отряда представляются естественные гроты на Южном склоне Мангупа между укреплениями А.XVII и А.XVIII. Все остальные убежища с учетом отсутствия растительности и в результате природных особенностей возвышенности прекрасно просматривались защитниками крепости. Укрепление А.XVII интенсивно обстреливалось турецкой артиллерией, которая находилась в осадном лагере на северном отроге холма Мазар-тепе. Судя по всему, именно против этого лагеря была направлена вылазка не подозревавших подвоха феодоритов. Далее А.Г.Герцен отмечает, что *«выход значительного числа жителей из города, направлявшихся, вероятно всего, к осадному лагерю, рассчитывая поживиться оставшимся там имуществом, мог осуществляться от главных ворот в Капу-дере по главной дороге, идущей в обход подножия мыса Теикли-бурун. На это указывает то, что, преследуя убегающих обратно в крепость, янычары смогли захватить ее ворота»* [3, с.384-385]. Таким образом, прорыв турок в крепость в результате военной хитрости, по мнению А.Г. Герцена, был возможен через главные крепостные ворота в ущелье Капу-дере.

Автор предлагает несколько иной взгляд о месте прорыва в город. И в первую очередь, нельзя не согласиться с ранее высказанной мыслью, что засаду турки могли осуществить только в огромном скальном навесе на южном склоне Мангупа между укреплениями А.XVII и А.XVIII. Площадь этого навеса позволяла вместить максимум до 250-300 человек отборного штурмового янычарского корпуса, а высота скального обрыва над навесами скрывала все звуки и следы передвижений, исходящих от засадного отряда. Незначительная дистанция между осадными позициями и южными укреплениями крепости позволяла беспрепятственно укрыть ночью незаметно для защитников несколько сотен человек засадного отряда.

Следующим этапом этой затеи становится выманивание защитников из крепости. Но в данном случае нужно весьма критически относиться к информации источников о том, что турки добровольно ушли, тем самым предоставив возможность защитникам «неоднократно» спускаться на турецкую осадную позицию Южного театра и пополнять весьма скудные пищевые запасы. Этого также не могло случиться еще по двум причинам. Во-первых, в случае значительного отдаления от своих осадных позиций с учетом особенностей рельефа южного склона Мангупа турки просто бы не успели направить свои силы обратно и разгромить вылазку феодоритов. Спрятать неподалеку свои силы они не могли – весь южный склон полностью просматривается из крепости и осажденные могли в любой момент заподозрить опасность. С другой стороны, отдаление основных сил турок из осадного лагеря просто бросило на произвол судьбы оставшихся в засаде воинов. Если бы они даже и прорвались в город, то были в первое время сдерживаемыми маневренным резервом феодоритов (отрядом, который с точки зрения стратегии должен находиться между Северным и Южным оборонительным районом и оперативно реагировать в случае обострения ситуации в одном из районов), но в дальнейшем их бы ждала суровая участь от вернувшихся в крепость участников вылазки.

Поэтому в аспекте указанной проблематики и с учетом природных условий предлагается развитие следующей ситуации. Туркам необходимо было создать лишь инсценировку неудачного приступа. Такие действия необходимо было проводить одновременно и на Южном и на Северном театре военных действий, сковывая значительные силы оборонявшихся. На южном склоне «неудачный приступ» должен был привести к постепенному отходу турок на свои укрепленные осадные позиции. И вот здесь могла последовать вылазка феодоритов, преследовавшая цель разграбления турецкого лагеря (неоспоримо, что население города терзал голод [13, с.259]), повреждения артиллерии и обескровливания сил врага. В.Л.Мыц отмечает, что подобные действия старался предпринимать свояк мангупского князя Александра молдавский господарь Стефан Великий, который добивался побед, преследуя отступающие турецкие арьергарды. В данном случае, турки могли учесть этот печальный опыт своих предшественников [8, с.119]. Османам было необходимо выманить феодоритов на территорию своих осадных позиций между южным склоном Мангупа и северным - возвышенности Мазар-тепе, и там нанести участникам вылазки поражение. И, только в случае победы (которую в дальнейшем, судя по всему, одержали турки) могли быть выполнимы описываемые в источниках условия прорыва засадного отряда. Но прежде, чем перейти к предположению о дальнейших действиях засадного отряда, попытаемся ответить на заданный вопрос – откуда могла бы происходить вылазка и в каком месте у турок имелась реальная возможность прорыва в крепость?

Визуальные исследования укрепления А.XVII турецкой постройки конца XV - начала XVI вв. приводят к следующему выводу: ранее, вероятно, именно здесь по трассе турецкого укрепления проходило феодоритское, а ныне существующее «помещение для часовых», высеченные в скале ниже линии турецкой стены (подобное сооружение имеется под А.XV турецкой постройки и выше сохранившихся остатков А.XIV) находилось во внутренней части так называемой «калитки» - защищенном оборонительными сооружениями проходе на плато. Об этом свидетельствует дорожка вдоль вырубленного в скале помещения, которая заканчивается ступенями, ведущими на территорию крепости, перекрытыми турецким укреплением А.XVII. Ниже дорожки сохранилась вырубленная в скале постель для стены, являвшейся, на наш взгляд, частью во-

ротного сооружения, полностью в дальнейшем разобранного турками в процессе капитальной перестройки А.XVII.

Кроме того, возможно об этом месте упоминает турецкий путешественник Эвлия Челеби (1666 г.), когда пишет, что *«на западе прямо над пропастью проделана малюсенькая железная дверь. Не то, что телега, там конь с трудом протиснется. Во время завоевания все янычары, рабы султана, пали шехидами в этом месте»* [6, с.33]. Традиционно это упоминание связывают с укреплением А.XIX, перекрывающее естественный распадок, по которому можно подняться на плато [4, с.315]. Однако при подъеме на плато в указанном месте проблематично будет «протиснуться» и телеге, и коню, и даже человеку. И главное, что это укрепление, в отличие от расположенного неподалеку А.XVII, не представляло для турок одного из основных направлений осадных и штурмовых действий – т.е. здесь не погибли штурмующие крепость турецкие солдаты. С одной стороны это утверждение подтверждается значительным расстоянием для артиллерийского обстрела, кроме того – в случае возможного прорыва укрепления турецкие войска оказались бы в дефиле, которым предстает защищенный стеной естественный распадок, где на них с трех сторон было бы направлено сопротивление защитников. С другой стороны – о незначительном внимании турок во время осады к этому укреплению свидетельствуют артефакты. В процессе археологических исследований во 2-м слое были обнаружены лишь два фрагмента пушечных ядер (п.о. 3964) и наконечник стрелы (к.о. 1018) [9, с.27]. При осмотре склонов под укреплением А.XIX не обнаружено больше ни одного осколка пушечного ядра, а в то время как под укреплением А.XVII значительное количество фрагментов ядер для тяжелой осадной артиллерии представляет собой вполне обычное явление². Так что, турки, как отмечает Эвлия Челеби, на Южном склоне несли серьезные потери скорее всего при штурме укрепления А.XVII и предполагаемой «калитке», которая давала бы возможность беспрепятственно попасть на территорию крепости.

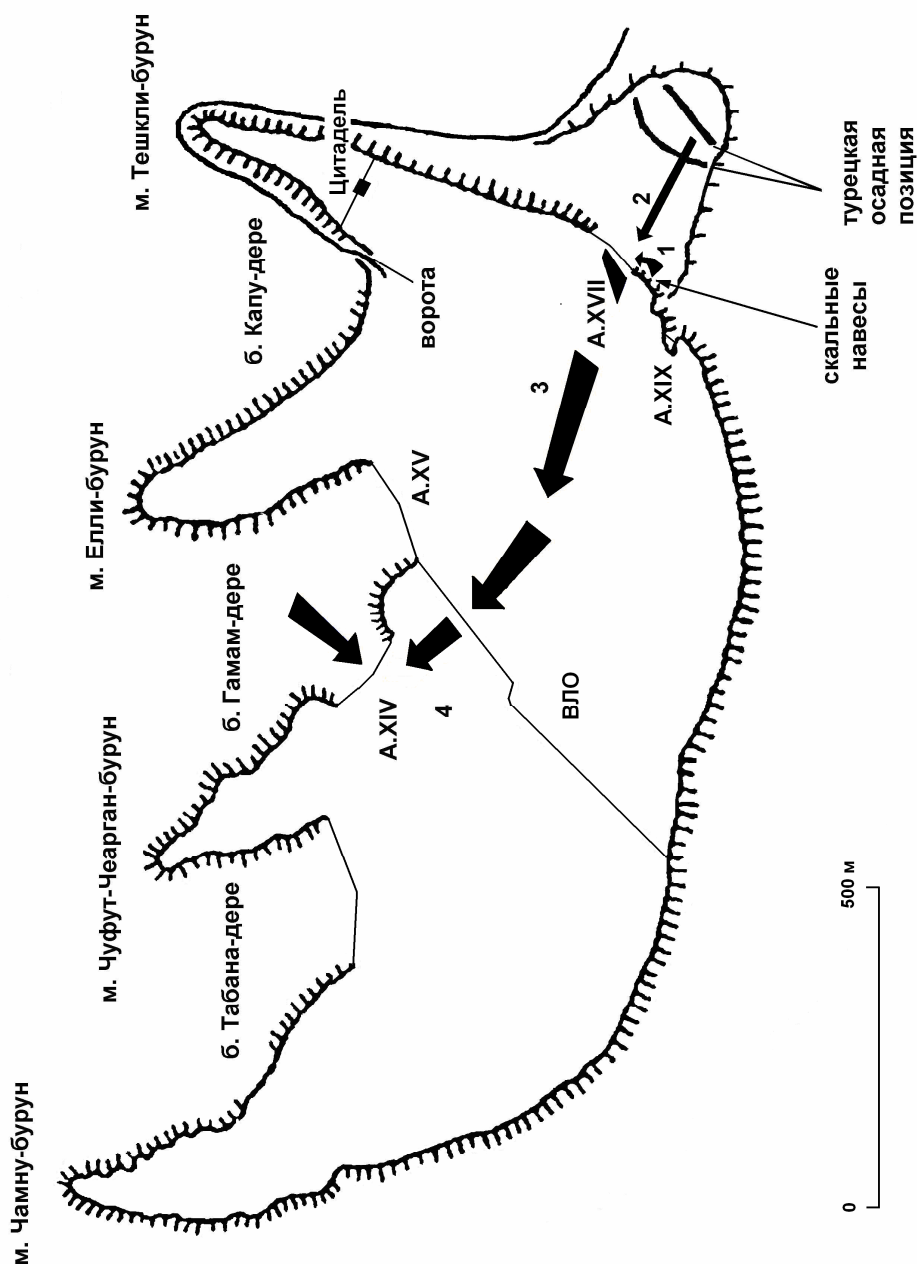
К предполагаемой нами «калитке» и указанному укреплению практически вплотную примыкают ранее упоминавшиеся скальные навесы. Автор предполагает, что вылазка против осадных позиций турок (которая в этом месте проходила бы напрямую, причем на стороне феоdorитов был крутой склон, благоприятствовавший стремительному удару) и прорыв засадного отряда на плато проходил именно через эту «калитку». Делать те же самые действия через главные крепостные ворота в балке Капу-дере – это столкнуться с целым рядом трудностей, причем как для турок, так и для феоdorитов. Для феоdorитов – это полная потеря ориентировки в информации и во времени: ворота находятся на значительном удалении от укрепления А.XVII, против которого осуществлялись осадные и штурмовые действия на Южном склоне. Также было необходимо обходить мыс Тешкли-бурун, а в результате затраченного времени на передвижение значительного количества людей полностью могла измениться стратегическая ситуация на Южном театре военных действий. Но и турки не могли прорваться через ворота из засады на Южном склоне – для этого нужно в течение получаса подставлять свои головы под неприятельские камни и стрелы во время обхода мыса Тешкли-бурун. И даже если бы во время обхода мыса под градом стрел и камней защитников удалось остаться в живых горсточке турок, то она была бы уничтожена перед защищенными крепостными воротами. Лишь действия через предполагаемую «калитку» и укрепление А.XVII как осажденных, так и в дальнейшем и осаждающих дают возможность реконструкции военного маневра, запечатленного в письменных источниках.

В результате вылазки, участники которой на долгое время «задерживаются» в стычке с турками на осадных позициях, засаде открывается свобода действий. Упомянутому засадному отряду достаточно 10-15 минут, чтобы полностью захватить укрепление А.XVII и расправиться с его охраной, ожидавшей возвращения участников вылазки. Неожиданный бросок отборных турецких воинов против не подозревавших подобной неожиданности оставшихся защитников в течение сравнительно небольшого времени вполне применим к реальным условиям. Далее засадному отряду необходимо удержать проход на плато и устоять против маневренного резерва феоdorитов до подхода своего штурмового отряда с осадных позиций.

Затем – прорыв на плато, но не в сторону цитадели – последнего в будущем оплота феоdorитов на мысе Тешкли-бурун, а по направлению к Северному фронту Мангупа, состоящему из укреплений А.XIV и А.XV на соединении с северным блокадным корпусом турок в балке Гамам-дере. На пути, либо уже после соединения турецких штурмовых сил Южного и Северного фронтов, как свидетельствуют археологические исследования, могли продолжаться ожесточенное сопротивление попавшие в окружение в районе княжеского дворца феоdorиты. Остальные защитники отходят к цитадели, защита которой означала начало заключительного, но весьма быстротечного этапа захвата Мангупа.

В результате сведения турецких источников в определенных в статье условиях практически в полной мере применимы к реальным историческим условиям. Однако стоит подчеркнуть, что на данном этапе изучения этого этапа осады и захвата Мангупской крепости турками, к сожалению, нет прямых археологических свидетельств, которые могли бы подтвердить или опровергнуть высказанную версию прорыва османами А.XVII. И лишь дальнейшее изучение основных направлений штурмовых и осадных действий турок, классификация артефактов, связанных с событиями 1475 году, новые находки смогут в полной мере прояснить «белые пятна» в одном из выдающихся событий военной истории Крыма.

² В настоящее время указанный участок постепенно покрывается небольшими ямками после «прогулок» грабителей с металлодетекторами. По имеющимся данным, основной объем их добычи составляют наконечники турецких стрел.

Условные знаки:

1 – захват засадным корпусом прохода в укреплении А.ХVІІ; **2** – подход дополнительного штурмового корпуса турок с осадных позиций; **3** – прорыв турок на плато; **4** – соединение прорвавшихся турок с силами своего осадного корпуса в балке Гамам-дере; **А** – главная линия обороны; **ВЛО** – внутренняя линия обороны

Источники и литература

1. Библия або Книги Святого Письма Старого й Нового Заповіту. – 1990. – 296 с.
2. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангу́па // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. – Вып. I. – С.87-166.
3. Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII. – С.366-387.
4. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангу́па // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. – Вып. XI. – С.314-345.
5. Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. – М.: Наука, 1978. – 136 с.
6. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). Перевод и комментарии Е.В.Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – 144 с.
7. Кучма В.В. Византийский военный трактат «De castrametatione» // Византийский временник. – М.: Наука, 2002. – С.279-312 – Т.61(86).
8. Мыц В.Л. Крымский контекст восточной политики Стефана Великого в 70-е гг. XV в. // Stratum+. – СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2005. – С.96-130.
9. Отчет об археологических исследований Мангу́пского городища в 2002 г. – Симферополь, 2003.

10. Ренат Флавий Вегетий Краткое изложение военного дела //Военная мысль античности: сочинения древнегреческих и византийских авторов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С.265-379. – (Классическая военная мысль).
11. Фронтин Секст Юлий Стратегмы //Военная мысль античности: сочинения древнегреческих и византийских авторов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С.149-262. – (Классическая военная мысль).
12. Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 2001. – Вып. VIII. – С.362-365.
13. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts, 1936.

Сейдаметова З.М.

ДИАЛЕКТЫ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Загадочный Египет, таинственный (прославленный) Ирак, прекрасная Сирия...здесь говорят, пишут, поют на арабском языке. Возможно, на Украине мало кто информирован о том, что на арабском языке говорит более 200 миллионов человек в Северной Африке и Передней Азии. Этот сложный для славянских народов язык распространен в Ираке, Сирии, Ливане, Израиле, Иордании, Кувейте, Саудовской Аравии и других странах Арабского Востока. Арабский язык – это официальный язык Лиги Арабских Государств, один из шести официальных и рабочих языков ООН, язык ислама и его священной книги Корана [15].

Арабский язык подразделяют на классический, современный и диалектальный. Классический арабский язык – это язык Корана и арабской литературы, с доисламской эпохи до позднего средневековья. Современный арабский литературный язык – язык средств массовой информации, современной литературы и письменного общения. Устное же общение происходит на диалектах арабского языка, причём практически каждая страна арабского мира обладает собственным диалектом, что сильно затрудняет общение между носителями различных диалектов, а иногда делает его практически невозможным [13].

В данной статье главное внимание уделено рассмотрению специфических особенностей арабских диалектов Египта и Магриба, которые рассматривались ранее, однако требуют более детального изучения (в частности, сравнение их общих и различных характеристик). Актуальность научного исследования обусловлена незаслуженным падением интереса к проблемам диалектологии арабского языка. На сегодняшний день изучение диалектов является актуальным вопросом, так как для того, чтобы быть хорошим специалистом в области арабского языка и литературы, необходимо знать не только литературный арабский язык, но и основные особенности его диалектов.

Целью данного исследования является обозначение места диалектов арабского языка, освещение их специфических особенностей в сравнении с литературным арабским языком.

Научная новизна полученных результатов обусловлена глубоким и объективным рассмотрением поставленных проблем востоковедения. В данной статье впервые обобщаются сведения об особенностях нескольких диалектов арабского языка, анализируется современное состояние и степень изученности вопроса, приводится соответствующий теоретический и фактический материал. Следует отметить, что текущая работа не является исчерпывающей и требует дальнейшего рассмотрения. Данной проблемой занимался узкий круг востоковедов-арабистов. Например, исследованиями по египетскому диалекту основательно занимался Шарбатов Т. Ш., который издал ряд книг и статей по арабским диалектам и, в частности, по египетскому.

В процессе написания статьи были использованы сравнительный, исторический, лингвогеографический и другие методы исследования.

Может показаться странным, что сирийский или иракский араб, когда слышит марокканскую речь, не понимает ее точно так же, как не понимаем ее мы с вами. Однако связано это, прежде всего с тем, что арабский язык имеет множество диалектов.

По географическому признаку современные арабские диалекты принято делить на две большие группы: 1) восточная группа (машрикская; в переводе с арабского языка «машрик» – «восток»), складывающаяся из четырех подгрупп - месопотамской, аравийской, центрально-арабской и египетско-суданской; 2) западная группа (магрибская, или североафриканская; «магриб» – «запад»). К восточной группе относятся и "островные" арабские диалекты Средней Азии. Часто между арабами восточными и западными взаимопонимание исключается [15].

ЕГИПЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Проводя исследования основных диалектов Египта, выяснилось, что в Арабской Республике Египет, географически подразделяемой на Нижний (Северный) Египет и Верхний (Южный) Египет, существуют два основных, современных, народных языка-диалекта: 1- нижеегипетский диалект, и 2- вышеегипетский диалект [5, С.3].

Нижеегипетский диалект, распространенный в регионе Нижнего (Северного) Египта, представляет собой многосторонне развитый и применяемый народный разговорный арабский язык. По своему первоначальному ареалу и происхождению это – язык преимущественно жителей Каира.

Верхнеегипетский диалект распространен в Верхнем (Южном) Египте. Он относительно ближе к литературному арабскому языку, чем «каирский» диалект, хотя различия между этими двумя основными диалектами страны в принципе незначительны [5, С. 3-7].